
КНИГА СТИХОВ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX В.: МНОГООБРАЗИЕ ЖАНРОВО-КОМПОЗИЦИОННЫХ ФОРМ

У.Ю. Верина

Белорусский государственный университет
ул. К. Маркса, 31, Минск, Республика Беларусь, 220030

В статье рассматривается развитие жанрово-композиционных форм книги стихов, происходившее в русской поэзии на протяжении XX в. В динамике этих форм выделяются такие явления, как футуристическая книга, представлявшая собой синтез поэзии и изобразительного искусства, неавторская (посмертная) книга стихов, «документально-лирическая» книга стихов военных лет и др. Как особый этап отмечается период второй половины 1950 — 1970-х гг., когда тенденция лиризма охватила все роды и жанры литературы, а лирическое стихотворение имело значение полновесной и самостоятельной жанровой единицы. В этот период разные способы организации стихов в книги отмечаются у Е. Винокурова, Д. Самойлова, Б. Ахмадулиной, Ю. Левитанского, П. Антокольского и др. В то же время возникает явление «самиздата» — книги ограниченного тиража и нетипографского исполнения. «Самиздат» во многом подготовил период стремительного развития новых форм и типов книг стихов в русской поэзии 1980—1990-х гг.

Ключевые слова: книга стихов, метажанр, циклизация, футуристическая книга, книга-манифест, неавторская (посмертная) книга, «документально-лирическая» книга, самиздат

На рубеже XIX—XX вв. книга стихов становится ведущим жанром русской поэзии, который позволял поэтам воплощать самые разнообразные художественные замыслы. На протяжении XX в. периоды развития разнообразных жанрово-композиционных форм книги стихов сменялись периодами, когда большее значение приобретали «малые» формы — отдельные стихотворения. Кратко проследим этот путь, отмечая динамику смены «больших» форм, новаторских или типичных для своего времени.

Русская футуристическая книга — одно из наиболее ярких явлений начала XX в. Эти книги отражали стремление авторов преобразовать не столько композицию или жанр, а создать книгу как особое произведение нового искусства. Значительная роль здесь принадлежит А. Крученых. В 1912 году им была создана книга «Игра в аду», представлявшая собой выполненный в карандаше от руки текст поэмы, написанной в соавторстве с В. Хлебниковым, и рисунки Н. Гончаровой: «Так появился новый тип рукописной книги, где почерк и иллюстрации создавали единое поле взаимопроникновения... Крученых вместе с другими авангардистами произвел целую революцию в книжном деле...» [2. С. 63—64]. В 1910-х гг. выходят книги-манифесты — собрания стихов единомышленников, имеющих общие взгляды на искусство поэзии: в 1913 г. — книга В. Хлебникова, А. Крученых, Е. Гуро «Трое» с рисунками К. Малевича, в 1915 г. — «Леторей» Г. Петникова и Н. Асеева, в 1916 г. — книга «Четыре птицы» Д. Бурлюка, Г. Золотухина, В. Каменского, В. Хлебникова. Часто заглавия подчеркивали коллективный характер творческих усилий. Интересный в этом смысле случай представля-

ет собой книга «Требник троих» с подзаголовком «Сборник стихов и рисунков», и в нее вошли стихи В. Маяковского, В. Хлебникова, братьев Д. и Н. Бурлюков, а также литографированные рисунки Надежды Бурлюк, Д. и В. Бурлюков, В. Маяковского, В. Татлина. Б. Лифшиц писал, что эта книга должна была называться «Требник четырех», поскольку «если даже не принимать в расчет Владимира Бурлюка и Татлина, иллюстрировавших сборник, то Давида и Николая никак нельзя было объявить одним лицом» [9. С. 409]. Это суждение свидетельствует, что идея синтеза поэзии и изобразительного искусства в 1910-х гг. была настолько влиятельна (как заметил С. Бирюков, «нависала в то время над художественным миром подобно дождевой туче» [2. С. 64]), что в число авторов, обозначенное в заглавии, должны были войти и художники, принявшие участие в создании книги наравне с поэтами. (Д. Бурлюк и В. Маяковский выступили в обеих ролях.)

Трудно свести все новаторство футуристической книги к синтезу поэзии и изобразительного искусства. Так, стремление сделать книгу произведением, «вещью» отразилось, как мы отметили, в рукописных, рисованных формах, но также (и с большей очевидностью) в использовании различных предметов в оформлении книг. Так, выразительной деталью «Заумной гниги» А. Крученых и Р. Алягрова (Р. Якобсона) стала пришитая к обложке пуговица. Саму книгу составляют стихи, отпечатанные с помощью штампов, и линогравюры О. Розановой. Экземпляры книги различаются — формой и цветом приклеенного к обложке сердца, качеством бумаги, наличием или отсутствием пуговицы. Эта книга сочетает в себе два противоположных свойства — уникальность и воспроизводимость. Уникальность ей придают рукодельные элементы, различная фактура бумаги, а воспроизводимость — линогравюры и штампы. Первые подходы к осмыслению подобных опытов будут сформулированы на два десятилетия позже — в эссе В. Бенямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости». Несмотря на то, что отношение к технике, как правило, считается различным у итальянских и русских футуристов, частое использование слов и понятий, связанных с техникой, в манифестах, названиях книг (А. Крученых «Новое в писательской технике», 1927) и сами способы поэтического книгоиздания свидетельствуют о том, что технику (греч. *τέχνη* искусство, мастерство, умение) русские футуристы понимали в ее исконных значениях и функциях — как само искусство, «делание», способ упорядочения мира.

В 1910-х годах появляются дебютные книги будущих значительных поэтов М. Цветаевой (1910), С. Клычкова и Н. Клюева (1911), А. Ахматовой (1912), О. Мандельштама, В. Маяковского, Н. Асеева (1913). Примечателен 1916 г., когда первые книги издали С. Есенин, М. Лозинский, С. Парнок, К. Липскеров, Г. Адамович и В. Набоков. Не все дебюты были ученическими. Так, М. Волошин и О. Мандельштам издали свои первые книги соответственно в 1910 и 1913 г., уже будучи известными поэтами. А «Горный ключ» (1916) остался единственной книгой оригинальных стихов будущего переводчика М. Лозинского.

Многие поэты, дебютировавшие в 1910-х гг., эмигрировали уже к концу десятилетия или в начале следующего, а к концу 1920-х гг. произошло окончательное разделение русской литературы на ветви: официальную, неподцензурную и эми-

грантскую, в каждой из которых складывались свои жанрово-стилистические тенденции.

Поэты, оказавшиеся в Берлине, Париже, Харбине, вначале больше публиковались в периодике; книги продолжил издавать В. Набоков (В. Сирин) — «Гроздь» и «Горный путь» в 1922—1923 гг.; дебютировал в эмиграции А. Гингер книгой «Свора верных» (1922); «Собрание стихов» в 1927 г. в Париже издал В. Ходасевич, включив в издание, помимо произведений из прежних книг, новый цикл «Европейская ночь». В 1926 г. в берлинском издательстве «Петрополис» вышла книга Н. Оцупа «В дыму», в Париже в 1931 г. — «Розы» Г. Иванова. В свете интересующей нас проблемы кратко остановимся на книге Б. Поплавского «Снежный час» (1936), поскольку она сочетает в себе черты итоговой и посмертной книги, авторский и неавторский принципы составления. «Снежный час» — это вторая книга поэта, первая и единственная прижизненная «Флаги» вышла в 1931 г. Книга «Снежный час» состоит из двух циклов: первый дал название всей книге, второй — «Над солнечную музыкой воды» — был собран самим поэтом, ему предпослано отдельное посвящение Наталье Столяровой. Главный вопрос, стоящий перед исследователями, — это целостность «Снежного часа»: правомерность объединения двух циклов под одной обложкой, одним заглавием и посвящением, вынесенным на отдельную страницу после титульного листа, — Борису Заковичу. Анализ на уровне структуры элементов паратекста (заглавия, посвящения, титульный лист) свидетельствует, скорее, в пользу предположения о составительской ошибке, поскольку цикл «Над солнечную музыкой воды», имеющий отдельное заглавие и посвящение, действительно выглядит как совершенно самостоятельный, как дополнение, попавшее в книгу «по какому-то недоразумению» (такая точка зрения принадлежит К.Ю. Аликину). Анализ, учитывающий принципы циклизации Б. Поплавского, метро-ритмическую и мотивную структуру соседствующих в книге произведений, а также логику влияний (А. Блок — М. Лермонтов — А. Фет), позволяет установить «единый инвариантный сюжет всей книги» [5. С. 61] — преобразование лирического героя любовным чувством.

Неавторское (редакторское, составительское, исследовательское) объединение произведений в книгу представляет собой проблему, прежде всего связанную с тем, насколько правомерно искать черты художественной целостности в ряду текстов, объединенных кем-либо, кроме автора. Нет ли в этом «соблазна циклизации» (М. Риффатер), когда «одно или несколько произведений возводят к другому или другим произведениям на основании каких-то общих признаков: тематических, жанровых, композиционных и др.» [3. С. 23]. Эта проблема приобрела особую актуальность на рубеже XX—XXI вв., когда в книгах, собраниях сочинений стала публиковаться «возвращенная» поэзия. Здесь мы указали лишь на один из многих аспектов проблемы, обозначив ее на одном небольшом примере.

В советской поэзии 1920—1930-х гг. существовала предписанная идеологией тенденция к отказу от лирического «мелкотемья», к укрупнению, «эпизации», и ведущими жанровыми формами становятся разные виды циклизации, циклы поэм, объединяющиеся в трилогии, тетралогии, а также книги стихов. В. Луговской, начиная со второй своей книги «Мускул» (1929), использует циклизацию,

и некоторые циклы приближаются к поэмам (один из разделов книги назван «Полупоэмы»). Книга «Страдания моих друзей» (1930) открывается инициальным стихотворением «Судить меня будет время...», затем следует вводная часть «Обращение», состоящая из одного стихотворения, а затем — циклы (части книги), заглавия которых выстраивают определенную последовательность: «Раздел общественный», «Раздел бытовой», «Раздел любовный», «Раздел строго личный» и «Заключение», состоящее из двух стихотворений «Утренний топот рабочих» и «Послесловие». Стремление В. Луговского к большим формам отразилось в создании книг поэм, а также эпопеи в четырех книгах «Пустыня и весна», включающей стихи 1930—1953 гг.

Баллады, поэмы и книги стихов — эти жанры преобладали в поэзии Н. Тихонова: в книгу «Брага» (1922) вошли «Баллада о пакете», «Баллада о гвоздях», «Перекоп» и др.; затем вышли книги «Двенадцать баллад» (1925), «Поиски героя» (1927). В 1929 г. М. Светлов издает сборник стихотворных циклов, поэм и переводов, озаглавленный «Книга стихов».

В 1921—1922 годах появляются книги А. Ахматовой «Подорожник», «Anno Domini MCMXXI», которые можно назвать переходными в ее творческой эволюции. Несомненно, что А. Ахматова, «уже начиная с первой книги, ставила перед собой задачу создания сверхтекстовых циклоидных единств» [6. С. 18], однако в жанровом отношении книги 1910-х гг. свидетельствовали о «несостоявшейся концепции “романа-лирики”», поскольку стихи объединялись «литературной личностью» поэтессы (см. [11. С. 35—36]). «Anno Domini MCMXXI», уже в силу своей тесной связи с реальными трагическими событиями (смерть А. Блока, Н. Гумилева, брата Андрея) и датировкой, вынесенной в заглавие, представляет собой целостность, основанную на сквозных мотивах скорби. Это не «роман-лирика», поскольку эти мотивы не выстраиваются в сюжет, но книга «Anno Domini MCMXXI» — это переход к «большой» форме, возникающей из переключек образов, скрытых связей, подтекста. Этот новый творческий принцип в полной мере будет реализован в поэме «Реквием» и «Поэме без героя».

В 1922 году вышла книга Б. Пастернака «Сестра моя — жизнь», принесшая известность автору и отличавшаяся особой гармонической стройностью общего художественного замысла. Эта книга, по мнению исследователей А.К. Жолковского, А.В. Радионовой и др., была не просто этапной в творчестве поэта, но предвосхитила роман «Доктор Живаго», стала его «генератором».

Особым явлением в становлении интересующего нас феномена книги стихов являются «Столбцы» Н. Заболоцкого (1929), *создававшиеся* как книга, а не собиравшиеся из стихотворений путем циклизации (по сходству мотивов, образов и т.д.). В 1937 году поэтом была издана «Вторая книга»: исследователь К.А. Золотарева обращает внимание на это заглавие, подтверждающее, что первой *книгой* были «Столбцы»; в работе приводятся и другие, весьма убедительные доводы в пользу сознательного выстраивания автором «Столбцов» в соответствии с принципами «дисциплины и порядка» (см. [4]). Однако этот порядок не был раз и навсегда зафиксирован автором: книга менялась на протяжении всей жизни Н. Заболоцкого, им вносились многочисленные правки, менялись названия, перематрировалась структура, — работа остановилась за несколько дней до смерти по-

эта в 1958 г. Разные своды «Столбцов» — вплоть до последнего, озаглавленного «Столбцы и поэмы. Стихотворения», — свидетельствуют о том, что эта книга, работа над которой продолжалась три десятилетия и так и не была завершена, представляла для поэта источник неугасающего интереса, новых возможностей для творчества.

Поэзия периода Великой Отечественной войны, по замечанию В.С. Баевско-го, «вызвала к жизни жанры стихов, ориентированные на документальную достоверность. «Фронтовую хронику» создает Твардовский, циклы «Из фронтового блокнота», «Дневник войны», «Из дневника» публикует Симонов, «Дневник 1941 года», «Из дневника», «Дневник 1943 года», «Письма без адреса» пишет Н. Рыленков. Зачастую такие стихи и воспринимались одновременно как в литературном, так и в бытовом ряду» [1. С. 65].

Стремление к достоверности в военной поэзии, как и в военной прозе, выражается в особом, повышенном внимании к детали. Когда эфемерной и недостоверной становится человеческая жизнь, фиксация факта создает необходимую опору для художественного воссоздания действительности. «Документально-лирические» книги военных лет можно выделить в отдельную жанровую разновидность. Они близки «человеческому документу» (письма, воспоминания, дневники) и вместе с тем остаются произведениями художественной литературы.

В военное время была необходима и пропагандистская поэзия, она распространялась в военных газетах или небольших сброшюрованных книжках, выходящих большими тиражами. Поэты быстро приобретали популярность. Так, отдельной книжкой в военные годы была опубликована поэма М. Алигер «Зоя» (1942), включенная затем в «Стихи и поэмы. 1935—1943» (1944). Патриотическую поэму «Россия» (1944) опубликовал отдельным изданием А. Прокофьев.

В 1950—1960-х годах продолжилось и углубилось разделение поэзии на официальную и андеграундную ветви. В официальную поэзию с 1956 г. вернулась группа поэтов (Я. Смеляков, В. Луговской и др.), не издававшихся при сталинском режиме. Дебютировали Е. Винокуров («Стихи о долге», 1951), Б. Слуцкий («Память», 1957), Д. Самойлов («Ближние страны», 1958), А. Вознесенский («Мозаика», «Парабола», 1960), Б. Ахмадулина («Струна», 1962). Книги этих авторов изучены в разной степени, однако несомненно, что при преобладающем значении лирического стихотворения как полновесной и самостоятельной жанровой единицы в этот период развиваются разные способы организации стихов в книги: семантическая доминанта у Б. Ахмадулиной [10], «заданное музыкальное построение» (в книге Е. Винокурова «Музыка», 1964), «внутренние жанры» и пространственно-временная структура (пенталогия книг стихов Ю. Левитанского), монтажные книги (П. Антокольский «Сила Вьетнама: Путевой журнал», «О Пушкине», обе 1960) (см. [12. С. 600—623]).

К 1970-м годам роль книги стихов снова становится «все заметнее в литературном процессе» [7. С. 179]. А. Кушнер, отмечая это, видит «главную особенность книги лирики» в том, что «некоторые стихи с ослабленной возможностью самостоятельного существования именно в ней оказываются необходимыми и полноценно живущими. Стихи выручают друг друга, протягивают друг другу руки, перекликаются, перешептываются, образуют цепь, хоровод, который трудно

разорвать. Возникает та общность, то единство, реализуется та сверхзадача, что едва просвечивала при создании каждого из стихотворений» [7. С. 180]. А. Кушнер обращается к понятию книги стихов в период, когда роль лирического стихотворения в жанровой системе была ведущей, но понятие поэтической книги уже сложилось в своих специфических чертах. А. Кушнер выделяет как «структурированные» некоторые книги конца 1950-х, 1960—1970-х гг.: «Стихи» Л. Мартынова (1957), «Очевидец» С. Липкина (1967), «Сводь» В. Шефнера (1967), «Дальнее дерево» М. Петровых (1968), «Уроки музыки» Б. Ахмадулиной (1969), «Лоза» Ю. Мориц (1970) и др.

Исследователи отмечали, что в 1960-х гг. тенденция лиризма стала ведущей и охватила все роды литературы: «С началом «оттепели» лиризм как повышенная субъективность художественного дискурса распространился на прозу и драматургию. Это была своеобразная переплавка обострившегося чувства времени, оживающей активности личности в структурное качество художественного текста — в наполнение слова энергией настроения, волевого напора, в «оличнение» текста...» [8. С. 139]. Лирический «взрыв» объясняется авторами как закономерность начала новой историко-литературной фазы: «Лирика становится «формой времени» в пору сдвигов и перемен, когда еще нет ничего устоявшегося, и лирика с ее обостренной чуткостью улавливает эти перемены и сдвиги, восполняет субъективным впечатлением и наитием неполноту только завязавшихся жизненных процессов и, не дожидаясь, пока сам объективный ход времени раскроет суть и смысл происходящих перемен, дает им эмоциональную, «осердеченную» оценку. Пафос, утверждающийся в лирике в пору исторического слома, становится эмоциональным камертоном наступающего литературного цикла» [8. С. 115—116]. Лирика, безусловно, переживает расцвет в переломные эпохи, но основная форма ее бытования — «большая», поскольку она стремится к широкому отображению меняющейся действительности. Тогда актуальность приобретают пограничные явления между эпосом и лирикой, синтетические, метажанровые формы, в том числе такие, как книга стихов.

Вторая, неподцензурная ветвь поэзии второй половины 1950—1960-х гг. породила явление «самиздата», которое, в свою очередь, вызвало к жизни особый тип поэтической книги — книги ограниченного тиража и нетипографского исполнения, зачастую граничащего с рукописным (Н. Глазков, считающийся автором термина «самиздат», свои стихи и прозу сшивал в небольшие брошюры и раздавал друзьям; на титульном листе на месте издательства стояло: «Самсебяиздат»). Преобладали в самиздате коллективные сборники и альманахи («Синтаксис», «Метрополь», «Бумеранг», «Авангард», «Факел» и др.). Самиздат был областью творческой свободы для большинства значительных поэтов, реализовавших себя либо в эмиграции, либо к 1980-м гг. В. Лен в отношении неподцензурной поэзии этих десятилетий предложил понятие «бронзового века». Самиздат опубликовал более 300 авторов (1), большинство из которых — поэты: современные, а также не издававшиеся в 1960—1970-е гг. поэты Серебряного века. Как поэты самиздата стали известны И. Бродский, Ю. Кублановский, Л. Губанов, В. Алейников, Вс. Некрасов, И. Холин, Г. Сапгир и др.

В рамках неподцензурной поэзии возникли новые принципы объединения материала, в частности, серийный (Д. Пригов, Л. Рубинштейн). В 1980—1990-х гг. авторы, продолжившие свои поиски, развили различные принципы: так возникли «мистификационные книги» Г. Сапгира «Терцихи Генриха Буфарева» (написаны в 1984—1987 гг.), «Черновики Пушкина» (опубл. 1992 г.), книги-партитуры («Монологи», «Дыхание ангела»), книги на стыке традиции и авангарда («Сонеты на рубашках», создавались с 1975 г., изданы в 1989 г.), монтажные формы («Летающий и спящий. Рассказы в прозе и стихах», издана в 1997 г.) (см. [12. С. 704—713]). Творчество Г. Сапгира с точки зрения разнообразия структурирующих форм, видов и способов издания, публикаторской истории — важный факт истории книг стихов.

В период второй половины 1980-х — 1990-е гг. в поэзии активизировались процессы обновления формы, стиля, жанра, тематики. Соответственно происходящим изменениям стремительно развивались все формы поэтических изданий (книги стихов, коллективные сборники, альманахи, антологии); создавались новые формы и типы книг стихов, которые становились все разнообразнее. Смелые эксперименты не отменяли уже освоенных поэзией принципов (жанрового, тематического, циклического объединения), которые самым решительным образом были переосмыслены только в 2000-х гг.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Подсчитано Л. Алексеевой по данным книги Ю. Мальцева «Вольная русская литература, 1955—1975 гг.». Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1976. См.: Алексеева Л. История инакомыслия в СССР: Новейший период. М.: Весть. Вильнюс: VIMO, 1992. С. 196.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Баевский В.С.* Давид Самойлов. Поэт и его поколение: монография. М.: Сов. писатель, 1986. 256 с.
- [2] *Бирюков С.Е.* Грандиозарь Крученных // Бирюков С.Е. Амплитуда авангарда. М.: Совпадение, 2014. С. 61—73.
- [3] *Дарвин М.Н., Тюпа В.И.* Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск: Наука, 2001. 293 с.
- [4] *Золотарева К.А.* Хаос и космос в книге стихов Н.А. Заболоцкого «Столбцы»: автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Воронеж, 2007.
- [5] *Зырянов О.В.* Лирическая книга Б. Поплавского «Снежный час»: семантика стиховой формы и проблема архитектурного единства // Авторское книготворчество в литературе: комплексный подход: материалы Третьей Междунар. науч. конф. (Омск, 15—16 мая 2013 г.) / ред. колл.: Э.И. Коптева, О.Л. Гиль, М.С. Штерн, О.В. Мирошникова. Омск: Сфера, 2013. С. 49—62.
- [6] *Кихней Л.Г.* Книга «Вечер» Анны Ахматовой сквозь время: Циклические закономерности и текстологические парадоксы // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2015. № 4. С. 17—30.
- [7] *Кушнер А.* Книга стихов // Вопросы литературы. 1975. № 3. С. 178—190.
- [8] *Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н.* Современная русская литература: 1950—1990-е годы: пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. Т. 1. 1953—1968. М.: Академия, 2003. 413 с.
- [9] *Лифшиц Б.* Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л.: Сов. писатель, 1989. 720 с.

- [10] Михайлова М.С. Поэзия Беллы Ахмадулиной: динамика лирической книги: дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2008. 181 с.
- [11] Мусатов В.В. «В то время я гостила на земле...». Лирика Анны Ахматовой. М.: Словари.ру, 2007. 496 с.
- [12] Орлицкий Ю.Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. 845 с.

BOOK OF POEMS IN XXth CENTURY RUSSIAN POETRY: VARIETY OF GENRE AND COMPOSITIONAL FORMS

U.Ju. Verina

Belarusian State University
K. Marks str., 31, Minsk, Republic of Belarus, 220030

The article discusses the development of the genre and compositional forms a book of poems that took place in Russian poetry in the XXth century. The dynamics of these forms observed such phenomena as the futuristic book representing a synthesis of poetry and the visual arts, unauthor's (posthumous) book of poems, "documentary and lyrical" book of poems of the war years, etc. Period during the second half of 1950—1970s is noted as a special stage when the trend of lyricism covered all literature genres and lyric poem was important and independent genre unit. During this period different ways of organizing the poems in the book present in works by E. Vinokurov, D. Samojlov, B. Akhmadulina, Yu. Levitansky, P. Antokolsky et al. At the same time phenomenon of "samizdat" arises — it was limited edition and non-typographical printing book. In many ways "samizdat" prepared the period of rapid development of new forms and types of books in Russian poetry of the 1980—1990s.

Key words: book of poems, metagenre, cyclization, futuristic book, book-manifesto, unauthor's (posthumous) book, "documentary and lyrical" book, "samizdat"

REFERENCES

- [1] Bajevskij V.S. *David Samojlov. Poet i ego pokolenie*: monografija [David Samojlov. The poet and His Generation: monograph]. M.: Sov. pisatel' [Soviet writer]. 1986. 256 p.
- [2] Birjukov S.E. Grandiozar' Kruchenyh. Birjukov S.E. *Amplituda avangarda* [Amplitude of the Avant-garde]. M.: Sovpadenie [Coincidence], 2014, pp. 61—73.
- [3] Darvin M.N., Tyupa V.I. *Ciklizacija v tvorčestve Pushkina: Opyt izučeniya pojetiki konvergentnogo soznaniya* [The cyclization in Pushkin's work: Experience the study of the poetics of convergent consciousness]. Novosibirsk: Nauka [Science], 2001. 293 p.
- [4] Zolotareva K.A. *Haos i kosmos v knige stihov N.A. Zabolockogo «Stolbcy»*. Avtoref. ... diss. kand. filol. nauk [Chaos and Cosmos in the Book of Poems by N.A. Zabolotskij "Columns". Synopsis Cand. Philol. sci. diss.]. Voronezh, 2007.
- [5] Zyrjanov O.V. *Liricheskaja kniga B. Poplavskogo «Snezhnyj chas»: semantika stihovoj formy i problema arhitektoničeskogo edinstva* [Lyric Book by B. Poplavsky "Snow hour": the Semantics of Poetic Form and the Problem of Architectonic Unity]. *Avtorskoe knigotvorčestvo v poezii: kompleksnyj podhod: materialy Tre'tej Mezhdunar. nauch. konf.* (Omsk, 15—16 maja 2013 g.) [Author's book creativity in literature: an integrated approach: proc. of the Third Int. sci. conf.

- (Omsk, 15–16 May 2013)] / otv. red. O.V. Mirosnikova. Omsk: OOO «Izd.-tipogr. centr “Sfera”» [Publishing and typographical center “Sphere” Ltd.], 2010, pp. 25–34.
- [6] Kikhney L.G. *Kniga «Večer» Anny Akhmatovoj skvoz’ vremja: Ciklicheskie zakonomernosti i tekstologicheskie paradoksy* [Akhmatova’s Book of Verses “Večer” Throughout The Time: Cyclic Consistency and Textological Paradoxes]. Vestnik RUDN. Ser. Literaturovedenie. Zhurnalistika [Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Ser. Studies of Literature. Journalism]. 2015. № 4, pp. 17–30.
- [7] Kushner A. *Kniga stihov* [Book of Poems]. *Voprosy literatury*. 1975. № 3, pp. 178–190.
- [8] Lejderman N.L., Lipovetsky M.N. *Sovremennaja russkaja literatura: 1950–1990-e gody: posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij: v 2 t. T. 1. 1953–1968* [Modern Russian Literature: 1950–1990s: manual for students of higher educational institutions: in 2 vol. Vol. 1. 1953–1968]. M.: Izd. centr «Akademia» [Publishing center “Academia”], 2003. 413 p.
- [9] Lifshic B. *Polutoraglazyj strelec: Stihotvorenija, perevody, vospominanija*. [One-and-a-half-eyed Sagittarius: Poems, translations, memoirs]. L.: Sov. pisatel’ [Soviet writer], 1989. 720 p.
- [10] Mihajlova M.S. *Poezija Belly Akhmadulinoj: dinamika liricheskoj knigi*. Diss. ... kand. filol. nauk [Poetry by Bella Akhmadulina: dynamic of lyric book. Cand. Philol. sci. diss.]. Barnaul, 2008. 181 p.
- [11] Musatov V.V. «V to vremja ja gostila na zemle...». *Lirika Anny Akhmatovoj* [“At that time i stayed on the ground...”. The lyrics by Anna Akhmatova]. M.: «Slovari.ru», 2007. 496 p.
- [12] Orbitsky Ju.B. *Dinamika stiha i prozy v russkoj slovesnosti* [Dynamics of Poetry and Prose in Russian literature]. M.: Ros. gos. gumanit. un-t [Russian State University for the Humanities], 2008. 845 p.